

Жил Василий Иванович всегда своим умом, ни в кого не верил, ни на кого не надеялся. Бога не отрицал, но и не уповал особенно-то. Был он мужик добрый, в меру застенчивый и упрямый – любил во всём до точки доходить. Да и жизнь как-то сама собой катилась, сильного размышления не требовала: детсад, школа, армия, завод. День по расписанию: работа, дом, диван, работа. Дети подрастали. Выросли дети. Поженились, разъехались. Всё бы хорошо, да тут хлоп! Новые времена. Упразднили завод. Жена уехала на родину (заграница теперь!) погостить, да так и канула у себя в тёплых краях. Остался Василий Иванович один. Прошёл год, второй, третий. На седьмой «холостяцкий» свой год задумываться начал мужик. Смысла в жизни сильно поубавилось. Денег тоже. Не в деньгах, конечно, сила, но когда тебе за пятьдесят, как-то не к лицу по помойкам шастать да бутылки собирать. А всё к этому шло. Кому он нужен, старый? Молодые-то вон шляются, не знают куда приткнуться, не то что он. Крепко подумал Василий Иванович, да и решил: суицид!

Умирать страшно, конечно. Но ведь всё равно придётся. И, похоже, жизнь сама очень ускорит этот процесс. Ну что тут гадать, и к бабке не ходи, маленько ещё прижмёт, уволят вот с очередной работы, нечем будет очередные долги отдавать, последние заначки кончатся, дело и до квартиры доберётся. Ну, продаст он её, купит поменьше. Потом ещё поменьше. Потом, неровен час (а случай обязательно представится), от жизни такой он ненароком запьёт, потеряет остатки. А там улица... Нет. Не для него всё это. Стал Василий Иванович способы подбирать. Смерть должна быть быстрой и по возможности лёгкой. Порядочно он и в жизни намыкался.

Начал он традиционные методы обдумывать. Первое – пистолет. Застрелиться. Оно, конечно, легко и быстро, но где пушку взять? Купить у бандитов? С ними шутки плохи – свяжешься, не отмоешься, на квартиру глаз положат. Станут хозяйничать, гадости разной натащат. А здесь каждая половичка, каждый плинтусочек до ума доведён. Всё обласкано, с любовью сделано. Что люди подумают? Очень это не понравилось Васи-

лию Ивановичу. Пистолет явно не годился. Верёвочку намылить разве? Сделать петельку, другой кончик к люстре привязать. Сам вниз – душа ввысь – с чего-то вдруг срифмовал Василий Иванович. Да тут же и подумал: «Врёшь, брат, душа-то, похоже, тоже вниз. Да ещё пониже провалится. Прямо на сквородку. Не годится это. Да ещё глаза повывлезут, язык вывалится, посинеешь весь. Что люди скажут? Нет... не дело. С балкона прыгнуть можно. Седьмой этаж всё-таки. Говорят, пока летишь, сердце не выдержит и... Но в это Василий Иванович не очень верил. Сердце у него крепкое, никогда не жаловался, вдруг сдюжит? Вдруг он в полном сознании до земли долетит? Да с такой скоростью! Это ж, наверное, страшно больно будет. Всё внутри оборвётся, кровью истечёт. А он возьмёт да и выживет, калекой станет. Кто за ним, за таким дураком ухаживать будет? Нет. Надо уж наверняка. Ещё два способа – топиться и травиться – Василий Иванович отринул сразу: противно, мерзко, не по-мужски как-то.

Крепче и крепче задумывался Василий Иванович – всё у него не клеилось. Или гадко и подло для самого себя выходило, или противно. А время шло... Но и бес не дремал. Подсунул он в самый последний момент Василию Ивановичу идею, когда уж тот колебаться стал, подумывать параллельной мыслью начал: не в церкву ли сходить, свечку поставить?.. Неожиданно вспомнил Василий Иванович, как помер сосед по гаражу. Дело зимой было. Завёз сосед бабёнку в гараж. Большой любитель был насчёт этого дела. Конечно, выпили, закрылись, навалялись – всё по плану. Мороз, правда, подбадривал. Но мотор для тепла сосед не заводил. Знал, что нельзя, заснёшь, – задохнёшься. Расставаться чего-то не хотелось. Решили ещё взять водочки, погреться. Сосед побежал, а бабута в гараже закрыл от греха – не увидел бы кто. Ну, дело молодецкое, простое. Взял в гастрономе бутылку, побежал обратно. Встречает жену на дороге. Туда-сюда, деваться некуда, побрёл с ней домой. Дома выпил, закусил, разомлел. Просыпается ночью, толкает жену в бок: «Гараж забыл закрыть». Одедся, побежал. Открывает гараж, а та с ломиком – машина вся потыкана. А бабёшка опять к нему приехала. Конечно, расслабился, забыл бдительность, завёл движок. Минутку хотел погреться. Да, видно, не рассчитал. Соблазнительница-то как-то сумела вытряхнуться, а на помощь позвать побоялась. Как живой, говорят, сосед-то лежал.

Подходило всё это Василию Ивановичу, начал он готовиться. Купил три бутылки водки – чтоб наверняка. На дачу съездил, закуски привёз, за квартиру заплатил. Соседке заветно-заклинательное письмо написал. Жигулёнок свой старенький до блеска намыл. Деньги ещё оставались. Решил Василий Иванович работу бросить (до работы ли?), отдохнуть перед смертью, подготовиться. Отпуск оформил за свой счёт по семейным обстоятельствам. Отдыхал целый день – намучился. Мысли самые глупые полезли. И даже не мысли – образы. Не страшно было, а глупо как-то, стыдно даже. Закроет глаза Василий Иванович, захочет о чём-нибудь хорошем подумать, а тут привидится ему баба голая, как в кино. Приглядится, а это даже и не баба, а расточница Валька Сорокина с тридцать восьмого цеха приказавшего долго жить завода родного. Решил Василий Иванович в церковь сходить. Вечер был тихий. Служба как раз кончилась. Купил три свечки – за себя, за жену и детей, за родителей. Подошёл к священнику, который, кстати, сразу ему не понравился – завалящий какой-то, рассеянный. Так и так, говорит, решил покончить с собой. Назад ходу нет.

– Чего ж ты ко мне пришёл? – говорит поп.

– Не знаю, — молвит Василий Иванович, — ноги сами привели. Может, молитву какую-нибудь дадите?

– Это ты не по адресу, — говорит священник, — тебе не сюда надо.

И смотрит так подозрительно.

– Да я, по правде сказать, — вырвалось прямо из сердца Василия Ивановича, — решить-то решил, а душе неспокойно. Может, забыл чего?

И тут же зачем-то быстро-быстро перечислил сделанное.

– Всё вроде предусмотрел, – ухмыльнулся батюшка.

Потом отошёл в сторонку, погладил бороду, подумал малость, поглядел искоса:

– Одного не учёл. Есть одно упущение!

– Какое это?! – Так и подскочил Василий Иванович.

– Надо хотя бы одно доброе дело сделать. Порядок такой. Без добрых дел нельзя. Вот сделаешь доброе дело, а там сам решаешь.

– Так, значит, вы не против... – промямлил было Василий Иванович... Но священник строго перебил его:

– Я не против добрых дел. Одно доброе дело двух злых дороже!

Не помнил Василий Иванович, как из церкви попал в гараж. Уже темнело немножко. Солнце садилось. Было прохладно, но красиво. Кончался август, и кое-где тополёчки покрывались как-бы ржавчинкой. Горели кисти рябин. Как-то сладко становилось на душе. В грудном кармане куртки обнаружили три, так и не поставленные в церкви, свечки. Крепко-накрепко запер изнутри гаражные двери. Включил свет. Насыпал в стакан сахарного песка, воткнул свечки, зажгёт. Приготовил закуску, налил первый стакан. Задумался. За что же пить? За здоровье? Какой резон? За смерть? И того хуже. За доброе дело! Ага! Точно. За него! Одним духом махнул полный стакан, крикнул, закусил огурчиком. Открыл тушёнку и сходу съел полбанки. Снова задумался. Захотелось курить.

В своём гараже Василий Иванович не курил, соблюдал технику пожарной безопасности. Но сегодня и свечки горели на верстачке, и день особенный – можно покурить. Но хотелось на волю, ещё разочек на солнышко поглядеть. Приоткрыл Василий Иванович дверку, закурил, глянул на горизонт, а солнышко-то уже и скрылось. Лишь верхушки деревьев светились. Чудно, красиво всё было. Штиль полный. Ни один листик не дрогнет. Вдруг сзади будто кто-то тронул за плечо: мол, давай, делай, что задумал... Опять запер двери, налил второй стакан, выпил без тоста, и... протрезвел. Мысли сделались чёткими. Тремя большими золотыми огнями горели тонкие церковные свечи. Пахло церковью. Странно всё это было наблюдать в своём гараже. Сейчас он, Василий Иванович, выпьет ещё стакан водки, потом ещё... Потом заведёт мотор своего кровного «жигулёнка», откинется поудобней на сиденье и... а дальше что? Дальше не станет Василия Ивановича. Похоронят. Скажут: «Царствие ему небесное». А есть ли оно? Если есть, тогда и Бог есть. А если Бог есть, тогда он спросит Василия Ивановича: «Что же ты, друг, без Моего разрешения сюда пожаловал? И не стыдно тебе?» И выставит его за дверь! Что тогда? А то, что поведут его в другое место... и там спросят... Да с чего обязательно чего-то там будет? Для какого-такого ляда затеяно всё? Чтобы стало тихо, пусто, холодно, темно, мертво... Ни луны, ни солнца...

В дверь тихо постучали.

– Ещё не хватало, кого несёт? – крикнул Иваныч.

Свечки всё-таки он погасил. Мало ли чего... Открыл калитку. Оказалась местная пьянчужка-побирушка. Все её знали – ходила с синяками и большой брезентовой, гремящей бутылками, сумкой. Эта сумка частенько ей служила и подушкой, когда засыпала по дороге.

– Иду, гляжу, огоньки в щёлочках светятся, и будто ладаном пахнет. Дай, думаю, постучу, может, рюмочку нальют?

– Пошла ты, дура, не мешай, – огрызнулся он и закрыл перед её носом дверку.

Только закрыл, тут же и вспомнил про доброе дело-то... Ну, теперь покоя не будет – решил Василий Иванович и бросился догонять пьянчужку. А она и не ушла далеко. Дал ей в дорогу бутылку, еды всякой в сумку засунул. Бомжачка тут же и уселась под столбиком счастливая. Только и слышно было:

– Ах, благодетель, ах, благодетель...

Василий Иванович побыстрее ушёл, прикрыл дверку, закурил. Что-то изменилось в душе. Было там внутри раньше что-то твёрдое, железное,

холодное, а теперь потеплело. Да так приятно, словно приподняли над землёй маленько и опустили бережно. Чтоб не делать никаких выводов, скорее забрался Василий Иванович за руль, завёл мотор, откинулся на сиденье. Сначала пощекотало маленько в носу, попершило в горле. Потом будто слегка ударил по голове и...

На небе стояло солнце и большие зелёные деревья. Деревья соединялись в причудливые воздушные аллеи, по которым гуляли небесные существа. Василий Иванович так сильно нажал на газ, что сразу въехал на небо. Прекрасные существа с криком разбежались, а на дороге возник регулировщик. Он остановил и потребовал документы. Василий Иванович с блаженной улыбкой обнял инспектора и тут же сообщил ему, что счастлив, что любит всех-всех, даже жену, даже регулировщика. Но регулировщик посмотрел укоризненно, свет немного померк. Под глазом блюстителя появился синяк, и он стал сильно трясти Василия Ивановича за плечи, крича ему в лицо женским голосом:

– У тебя всего одно доброе дело, всего одно доброе дело... Ты мне не мил, ты мне не мил... Ты весь гараж задымил. Очнись, дурак! Очнись, миленький...

Василий Иванович очнулся, увидел перед собой пьянчужку с синяком под глазом. Она трясла его за плечи, плакала и причитала. И всё о том, что какой же он, гад-благодетель тяжёлый, и о том, что еле вытащила его из машины, и что из последних сил приволокла его сюда на травку...

– Чего это она? – подумал Василий Иванович.

И вдруг увидел напротив раскрытый гараж, тарахтящий свой «Жигулёнок», себя на траве и вспомнил слова священника: «Одно доброе дело двух злых дороже!»

И заплакал. От счастья...